

Призрак Юй Инь по-прежнему парил в воздухе и смотрел на неё без всякого отклика. Призрак и есть призрак. Что бы ни было — даже если перед ним тот, кто хочет за неё отомстить, кто пришёл ради неё, — в его сердце от начала до конца живёт лишь одна жажда: завладеть её плотью.

Умершие, но не желающие упокоиться, могут лишь подчиняться обидам прошлой жизни, становясь лютыми призраками, жаждущими вселиться, жаждущими вернуться в плоть.

Но даже вселившись, такой призрак останется лишь чудовищем с разъединёнными душой и телом. Жизнь и смерть predeterminedены, всё в этом мире изменчиво. Если бы каждый после смерти мог так запросто вселиться в другого, то что осталось бы от человеческого достоинства?

Цинь Чаншэн подняла руку. На кончиках её пальцев выступил сизо-серый оттенок, словно дымка, поднимающаяся от ногтей.

Призрак Юй Инь по-прежнему смотрел на неё со злым любопытством. Их разделяла граница между мирами, и он не мог ощутить, что она задумала. Но, глядя на Цинь Чаншэн, он инстинктивно почуял опасность, разинул белесые челюсти и издал низкое, угрожающее рычание.

Цинь Чаншэн смотрела на его изуродованное тело, на кости, парящие в воздухе, и, собрав последние крупницы сострадания, сказала:

— Юй Инь, если в тебе ещё осталась хоть искра человеческого, убей сейчас того, кто захватил твоё тело!

Белесый, полупрозрачный силуэт, плывущий в воздухе, лишь прошипел в ответ.

Она знала — он больше не человек, в нём не осталось ничего человеческого.

Но она всё же сохранила для него последнюю жалость.

Ведь он когда-то был человеком.

Цинь Чаншэн тихо вздохнула. Серый цвет пополз от оснований её ногтей, покрывая их полностью. Она сказала призраку:

— Что ж, тогда не взыщи.

В чаще леса хрустнула сломанная ветка, вспугнув птиц, чистивших перья на суку.

Словно уловив что-то, Цзян Чжунсюэ обернулась, прислушиваясь.

Кругом стояла тишина. Лишь птицы перешёптывались на ветках, да ветер шуршал в листве.

Но ей почудилось, будто издали действительно донёсся какой-то звук.

Раздвинув пелену тумана впереди и следуя по этой лесной тропе, она должна была выйти к последней деревне на горе Цзи.

Предыдущие поселения, что она встречала, были всего лишь бумажными макетами заброшенных сёл. А на указателе, выполненном уставным почерком, чётко значилось, что это — конечный путь.

Значит, именно здесь должен был находиться истинный источник того, что вселилось в Юй Инь.

Цзян Чжунсюэ на мгновение замерла, прислушиваясь. Лес был тих, как и тогда, когда она входила сюда. Никаких криков.

Она удивилась собственным галлюцинациям, на секунду задумалась, но, не медля, сделала шаг вперёд.

И замерла на втором шаге.

Словно сквозь огромное расстояние, сквозь тысячи вёрст, сквозь миллионы бессонных рассветов и ночей, кто-то кричал: «Цзян Чжунсюэ — где ты — Цзян Чжунсюэ — найди меня!»

Тот, о ком она думала и днём и ночью. Та судьба, от которой она пыталась отказаться бесщётное количество раз.

На самом краю этой судьбы она услышала голос Цинь Чаншэн: «Цзян Чжунсюэ — где ты — Цзян Чжунсюэ — найди меня!»

Над обрывом, в лесной чаще, струйка серого дыма медленно рассеялась в ладони Цинь Чаншэн.

Она стояла на месте, остолбенев, уставившись на свои руки — словно на них, а словно и сквозь них.

Пронзительный визг, точно гвоздь, вонзился прямо в мозг, разорвал барабанные перепонки, проник в костный мозг, перевернув всё нутро.

Но, кроме Цинь Чаншэн, его не слышал никто.

Призрак Юй Инь смотрел на неё с ужасом и ненавистью. Его окровавленное тело постепенно превращалось в лёгкую сизую дымку, растворяясь в мире, обращаясь в прах.

Цинь Чаншэн стояла неподвижно, склонив голову набок, и беззвучно смеялась. На её лице играла странная, жаждающая гримаса. Она смотрела на дальний конец тропы, будто не могла дожидаться чего-то. Её пальцы согнулись в когти, кончики их покраснели, будто вся кровь прилила к ногтям, готовая капнуть.

Она слегка согнулась в пояснице, приоткрыла рот — и внутри заблестела безумная улыбка.

Странная сила переполняла её тело. Жажда убивать и поглощать захватила её разум, её сердце, всё её существо. Единственное, о чём она могла думать, — убить то, что вселилось в Юй Инь, вырвать его, поглотить, забрать его силу и самой стать законченным чудовищем!

Кровь кипела в её жилах. Цинь Чаншэн слегка согнула ноги в коленях, приняв позу готовности к прыжку, с жадой и иступлением поджидая свою следующую добычу.

Поглотить. Убить. Поглотить. Убить. Чудовище, жаждущее этого!

Но что-то было... не так.

Цинь Чаншэн, с глазами, налитыми кровью, уставилась на свои руки и, словно разговаривая сама с собой, пробормотала:

— Нет... она... она тоже чудовище.

Она резко повернулась, глядя на лес впереди. Её лицо исказилось, и она, словно одержимая, тихо прошептала:

— Как её звали? Цзян... Чжунсюэ? Её тоже можно съесть, она...

Она смотрела на лес, и вдруг выражение её лица сменилось на испуганное. Она заговорила сердито, точно споря с кем-то:

— Не могу! Её нельзя есть! Я человек! Я не чудовище! Я просто защищаюсь!

Её грудь тяжело вздымалась. Спустя некоторое время эмоции поутихли. Цинь Чаншэн, с воспалёнными глазами, тихо прошептала себе под нос:

— Обещаю... я просто защищаюсь. Как только поглочу этого, остановлюсь.

Впереди, у края тропы, Юй Инь лежала, наполовину разбитая, склонив голову набок, и странным, тихим голосом произнесла:

— Нашла тебя.

Цинь Чаншэн резко подняла голову.

В её глазах клокотала кровь, даже чёрные зрачки налились багровым. Жажда убийства расцвела в её сердце. Цинь Чаншэн засмеялась, почти безумно:

— Раз уж одного съела... съесть ещё одного — не проблема, да?

Цинь Чаншэн пришла в себя и обнаружила, что мир перевернут вверх ногами.

Перед глазами была белая футболка, испачканная в нескольких местах после блужданий по лесу, с зелёными разводами от травы.

Взгляд скользнул ниже — джинсовые шорты, белая кожа.

Цинь Чаншэн сланостонала. Из-за того, что её несли через плечо вниз головой, кровь прилила к мозгу, и, едва придя в сознание, она почувствовала сильную тяжесть.

Услышав стон, несший её человек остановился и опустил её на землю. Цинь Чаншэн пошатнулась, едва не упав. Цзян Чжунсюэ и не подумала её поддержать, лишь стояла и смотрела, как та трясёт головой.

Цинь Чаншэн, пошатываясь, сделала пару шагов в сторону, ухватилась за голову и наконец обрела равновесие. Перед ней стояла Цзян Чжунсюэ с совершенно обычным, невозмутимым лицом.

Голова гудела, мысли путались. Цинь Чаншэн с трудом соображала, разглядывая Цзян Чжунсюэ. В памяти всплыло: это её спутница, характер скверный, общаться тяжело.

Уловив это смутное впечатление, Цинь Чаншэн заговорила вежливо, всё ещё не вполне приходя в себя:

— Где это мы?

Цзян Чжунсюэ ответила:

— На вершине горы Цзи.

Цинь Чаншэн кивнула, голова всё ещё была тяжёлой. Она изо всех сил пыталась вспомнить, что связывало её с этой Цзян Чжунсюэ и что вообще происходило. Наконец всплыла последняя встреча, и она поспешно спросила:

— А Юй Инь?

Увидев, как Цзян Чжунсюэ качает головой, Цинь Чаншэн удивилась:

— Не может быть... я же помню... Разве она сбежала?

Цзян Чаншэн сказала:

— Можно сказать и так. Ты запечатала все пути для бегства, заперла её в теле Юй Инь. Теперь ей не во что вселиться. Если не умрёт, то уж точно будет покалечена — далеко не уйдёт.

Цинь Чаншэн изо всех сил пыталась вспомнить, как в последний раз дралась с Юй Инь. Помнила только, что для самозащиты поглотила призрак Юй Инь, временно приняв призрачную форму, став «чудовищем».

Только так она могла справиться с тем, что сидело в теле Юй Инь.

<http://bllate.org/book/16269/1464327>